

МАШИНОЧИТАЕМОСТЬ И МАШИНОИСПОЛНЯЕМОСТЬ ПРАВА: СУЩНОСТНЫЙ, ЯЗЫКОВОЙ И МЕНТАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

© 2023 г. С. Н. Гаврилов

Федеральная палата адвокатов, г. Москва

E-mail: gavrillov@fparf.ru

Поступила в редакцию 24.01.2022 г.

Аннотация. В статье машиночитаемость и машиноисполняемость права рассмотрены в качестве императива цифровой трансформации в юридической сфере. В области машиночтения и машиноисполнения права существует множество предметов для обсуждения, находящихся как в пределах сугубо утилитарной проблематики, связанной исключительно со сферой информационных технологий и акцентирующей на вопросах информационных систем, языках программирования, технологиях и средствах машиночтения и машиноисполнения и т.п., так и выходящих на уровень проблематики ментального, онтологического, семиотического, герменевтического и иного характера. Автором обозначены термины, значимые для исследуемой проблематики, и даны их определения. Освещены отдельные вопросы, связанные с сущностным, языковым и ментальным аспектами обеспечения машиночитаемости и машиноисполняемости права.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровизация, машиночитаемость права, машиноисполняемость права, технологии машиночитаемого права.

Цитирование: Гаврилов С. Н. Машиночитаемость и машиноисполняемость права: сущностный, языковой и ментальный аспекты // Государство и право. 2023. № 8. С. 74–83.

DOI: 10.31857/S102694520027227-0

MACHINE-READING AND MACHINE-EXECUTION LAW: ESSENTIAL, LINGUISTIC AND MENTAL ASPECTS

© 2023 S. N. Gavrillov

Federal Chamber of Lawyers, Moscow

E-mail: gavrillov@fparf.ru

Received 24.01.2022

Abstract. In the article machine readability and machine executability of law can be considered as an imperative of digital transformation in the legal field. In the field of machine reading and machine execution of law, there are many subjects for discussion that are within the limits of purely utilitarian issues related exclusively to the field of information technology and focusing on issues of information systems, programming languages, technologies and tools for machine reading and machine execution and etc., and those that reach the level of problems of a mental, ontological, semiotic, hermeneutic and other nature. The author indicated terms that are significant for the problem under study are indicated and their definitions are given. Some issues related to the essential, linguistic and mental aspects of ensuring machine-readable and machine-executable law are highlighted.

Key words: digital transformation, digitalization, machine readability of law, machine-executability of law, machine-readable technologies.

For citation: Gavrillov, S.N. (2023). Machine-reading and machine-execution law: essential, linguistic and mental aspects // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 74–83.

«Дойти до слова и значит дойти до смысла».
А. Ф. Лосев

Постановка проблемы

Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательства утверждена Концепция развития технологий машиночитаемого права (протокол от 15.09.2021 г. № 31)¹ (далее – Концепция машиночитаемого права).

Заметим, что в названии документа обозначена функция *машиночитаемости права* (machine-readable law), тогда как в его тексте идет речь и о другой не менее важной функции – *машиноисполняемости права* (machine-executable law). Полагаем, что данные функции, хотя и тесно между собой связаны, но как имеющие различия, должны быть выделены в качестве самостоятельных.

В условиях идущей цифровизации (digitalization) всех областей жизнедеятельности и развивающейся цифровой трансформации (digital transformation) правовой сферы вряд ли может возникнуть сомнение в востребованности функций машиночтения и машиноисполнения права. Вопрос скорее в том, какие факторы следует учитывать в целях обеспечения реализации данных функций, и в том, с помощью каких методов и средств их возможно исполнять наиболее корректно?

В Концепции машиночитаемого права говорится о видах формирования онтологии права («описание на формальном языке множества объектов (сфер применения машиночитаемого права, субъектов правоотношений, сделок и т.д.) в области права и связей между ними»): *автоматическая* (с помощью искусственного интеллекта), *ручная* (работа специалистов) и *автоматизированная* (использование определенного языка программирования). Полагаем, что *автоматическое* создание онтологии права ни в силу уровня качества исходного для машиночтения материала (в частности – существующей законодательной базы), ни в силу существующего уровня развития и возможностей искусственного интеллекта в обозримом будущем вряд ли осуществимо. Не разделяя избыточного оптимизма возможности «всеобщей механизации права», вместе с тем, полагаем, что целевым ориентиром должно быть именно *автоматическое* создание онтологии права и ряда иных

регуляторов², при сочетании данной формы с *ручной* и *автоматизированной*.

В Концепции машиночитаемого права ставится задача развития соответствующих технологий. Полагаем, что тематика машиночитаемости и машиноисполняемости права (иных значимых регуляторов общественных отношений) требует комплексного подхода и притом должна рассматриваться в контексте общих процессов законотворческой (законодательной) деятельности и реализации права, включая правоприменение.

В области машиночтения и машиноисполнения права (иных значимых регуляторов общественных отношений) существует множество предметов для обсуждения, находящихся как в пределах сугубо утилитарной проблематики, связанной исключительно со сферой информационных технологий (Information Technology, IT) и акцентирующей на вопросах информационных систем, языках программирования, технологиях и средствах машиночтения и машиноисполнения, включая автоматическую обработку текстов (Natural Language Processing) и т.п., так и выходящих на уровень проблематики ментального, онтологического, семиотического, герменевтического, этического и иного характера.

В данной статье остановимся лишь на отдельных вопросах, связанных с обеспечением машиночитаемости и машиноисполняемости права в сущностном, языковом и ментальном аспектах.

Машиночитаемость и машиноисполняемость права: сущностный аспект

Машиночитаемость и *машиноисполняемость права* рассматриваются нами как свойство права быть подверженным процессу *машиночтения* и *машиноисполнения*.

1. Машиночтение и машиноисполнение права как процесс рассматривается нами в разных контекстах.

Машиночтение права (в собственном, широком смысле) определяется как обработка (в том числе восприятие, перевод, изложение, чтение) *машиной* (при возможном участии человека) *данных* о знаках различных знаковых систем, которые отражают правовую, а также связанную с ней реальность, включая виртуальную (в том числе содержание *актов машиночтения*), и которые охарактеризовывают онтологию права и иных значимых регуляторов общественных отношений.

¹ См.: Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации // https://www.economy.gov.ru/material/file/792d50ea6bf3a9c75f95494c253ab99/31_15092021.pdf (дата обращения: 29.12.2021).

² Принимая во внимание рост значения, наряду с правовыми, регуляторов иных видов (в частности, технических, этических и др.), полагаем правильным рассматривать их в качестве возможных объектов машиночтения и машиноисполнения (далее – иные значимые регуляторы общественных отношений).

Представляется, что тематику машиночитаемого права необходимо рассматривать в контексте семиотической парадигмы со знаками различных знаковых систем, включая знаки, официально определенные законодателем (например, знаки естественного (человекочитаемого) языка), с помощью которых в актах машиночтения фиксируются нормы права и / или иные нормы, значимые для регулирования общественных отношений.

В контексте парадигмы юридического типа пра-вопонимания возникает вопрос о потенциальной способности машины. В случае признания для машины такой перспективы в качестве реальной, означающей, в сущности, возможность создания универсального искусственного интеллекта, определяемого еще как «сильный» (strong, Artificial General Intelligence, AGI)³, следует сформулировать вывод о том, что машина будет способна обладать свойством восприятия правовых и связанных с ними явлений реальности на уровне «правочувствия». В сущности, она будет обладать компетенциями законодателя, адекватно выполняющего свои задачи. Достижимость такого уровня способностей машины вопрос дискуссионный.

Под *онтологией права и иных значимых регуляторов общественных отношений* подразумевается в том числе совокупность свойств, характеризующих данные регуляторы в различных контекстах и с позиции существующих представлений о них, как в их историческом развитии, так и актуальном состоянии. Иными словами, это — некое «интегративное» (Г. Берман, Д. Холл, Р. Дворкин и др.), «компрехендное» (С.И. Захарцев, В.П. Сальников) или подобные им представления, которые отражают «все о праве», «все о законе» и «все об иных значимых регуляторах общественных отношений» в историческом измерении, динамическом состоянии, с позиции различных областей знания и как закрепленное в реальности совокупностью знаков различных знаковых систем. Это подход, присущий философскому представлению о праве, сориентированному «на изучение самой жизни в ее многообразных социальных фактах, включая в том числе и мнения, и идеалы, и законы — весь опыт во всем его многообразии, включая как чувственное, так и интуитивное восприятие»⁴.

Машиночтение права (в узком смысле, т.е. *машиночтение нормативного правового акта*) определяется нами как обработка (в том числе восприятие, перевод, изложение, чтение) *машиной* (при

возможном участии человека) данных о знаках *определенных* знаковых систем, которые охарактеризовывают сущность предписаний *норм права* и / или иных норм, значимых для регулирования общественных отношений, содержащихся в акте машиночтения.

Машиноисполнение⁵ права (в собственном, широком смысле) включает две ключевые функции:

а) проверка машиной (при возможном участии человека) соответствия данных о *знаках различных знаковых систем*, которые отражают конкретные факты правовой, а также связанной с ней реальности, включая виртуальную, данным о знаках *различных* знаковых систем, которые описывают (отражают) предписания права и / или соответствия данным о знаках определенных знаковых систем, которые описывают (отражают) предписания норм права и / или предписания иных норм, значимых для регулирования общественных отношений, содержащихся в акте машиночтения;

б) непосредственное исполнение машиной (при возможном участии человека) предписаний права или исполнение предписаний норм права и / или иных норм, значимых для регулирования общественных отношений, содержащихся в акте машиночтения.

Когда речь идет о «непосредственном исполнении машиной (при возможном участии человека) предписаний права», то имеется в виду потенциальная (гипотетическая) возможность того, что машина уровня универсального искусственного интеллекта (AGI), обладающая свойством «правочувствия» и «уловившая право» на стадии машиночтения (в его широком смысле), будет технически способна и юридически полномочна непосредственно реализовывать нормы права, даже в случае противоречия их закону, но соответствия праву. Это тема для отдельного анализа не только в технологическом, но и в юридическом контексте, учитывая, в частности, и то, что «общего и однозначного критерия отличия правового закона от неправового не существует» и «при этом один и тот же закон может быть правовым и неправовым на разных этапах развития общества»⁶.

Машиноисполнение права (в узком смысле, т.е. *машиноисполнение нормативного правового акта*) также включает две ключевые функции:

⁵ Термин «машиноисполнение права» используется прежде всего в технологическом аспекте (как исполнение машиной определенной функции), при этом подразумевается и юридический контекст с четырьмя формами реализации права (соблюдение, использование, исполнение, применение).

⁶ Захарцев С.И., Сальников В.П. Об интегративном право-понимании в контексте компрехендной теории права // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 2. С. 42.

³ AGI отличается от т.н. *прикладного искусственного интеллекта*, именуемого еще «узким», «слабым» (narrow AI, applied AI, weak AI), способным решать какую-либо конкретную или несколько сходных задач интеллектуального свойства.

⁴ Лазарев В.В. Интегративное восприятие права // Лазарев В.В. Избранное последнего десятилетия. М., 2020. С. 96.

а) проверка машиной (при возможном участии человека) соответствия данных о знаках *различных* знаковых систем, которые отражают конкретные факты правовой, а также связанной с ней реальности, включая виртуальную, данным о знаках *определенных* знаковых систем, которые описывают (отражают) предписания норм права и / или предписания иных норм, значимых для регулирования общественных отношений, содержащихся в акте машинотчтения;

б) исполнение машиной (при возможном участии человека) предписаний норм права и / или иных норм, значимых для регулирования общественных отношений, содержащихся в акте машинотчтения.

Далее будем использовать аббревиатуру: МЧТ (в зависимости от контекста употребления) — *машинотчтение, машиночитае­мость, машиночитаемый* и т.п.; МИС (в зависимости от контекста употребления) — *машиноисполнение, машиноисполняе­мость, машиноисполняемый* и т.п.

2. Предложение И.В. Понкина об «изначальном написании нормативного акта на некоем мета-языке (или гибридном прото-языке), с последующим автоматическим переводом на естественные (человеко-читаемые) языки», которое видится автору наиболее перспективным⁷, представляет интерес. Однако его реализация в качестве основного подхода для организации процесса МЧТ является проблемной⁸, и не только потому, что надлежащего уровня качества «мета(прото)-языка» на данный момент не существует, а также потому, что за предлагаемым сценарием стоит некий «переворот логики законодательного процесса»: роль «законодателя» в таком случае будет играть лицо, применяющее мета(прото)-язык, и лишь потом идет перевод с этого языка на естественный язык. Проблемность предлагаемого подхода прежде всего в том, что в случае его принятия автору нормативного правового акта будет необходимо не только описывать на названном «мета(прото)-языке» соответствующие нормы, но и изначально представлять себе на таковом всю правовую реальность; ему потребуется ни много ни мало уметь осмыслить правовую реальность со всем ее множеством *объектов, связей и процессов* на языке кода, что вряд

ли возможно⁹. Следует учитывать, что правовая реальность и реальность как таковая изначально воспринимается человеком именно в формах и категориях естественного языка, на котором он свободно говорит и мыслит и в парадигме ментальности которого он как носитель данного языка находится. Когнитологи пришли к выводу о том, что именно язык формирует мысль, что сама мысль «направлена словом» (А.А. Потебня), «вне языка мышления не существует» (Ф. де Соссюр), «язык и шаблоны нашей мысли... в некотором смысле одно и то же» (Э. Сепир) и что «мышление — это то же самое, что язык» (Б. Уорф)¹⁰.

Таким образом, избежать прохождения стадии восприятия реальности посредством категорий и форм естественного языка, пусть даже реципиент и обладает совершенным знанием формального языка, не представляется возможным по причине действия закономерностей восприятия человеком реальности.

Сложности будут и с «последующим автоматическим переводом (с формального. — С.Г.) на естественные (человеко-читаемые) языки».

3. Полагаем, что суждение А.М. Вашкевича о естественном языке как «не самом эффективном и выразительном инструменте описания сложных систем правоотношений»¹¹ есть, с одной стороны, недооценка потенциала *естественного* языка, с другой — переоценка возможностей *формального*. Тот факт, что существующее правовое регулирование и правоприменение сами по себе недостаточно эффективны, свидетельствует не об ущербности естественного языка, а о ненадлежащем уровне его использования.

Фактор сложности описания объекта МЧТ следует учитывать применительно как к *естественному*, так и *формальному* языку. Однако сложность описания объекта правовой реальности предопределяется прежде всего не свойствами (возможностями, особенностями) того или иного языка, а именно сложностью самого объекта.

Если рассматривать процесс МЧТ / МИС (в узком смысле, при исходном исполнении акта МЧТ на

⁷ Понкин И.В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в PerTехе, содержание, онтология и перспективы // International journal of open information technologies. 2020. Т. 8. № 10. С. 65.

⁸ Исключение могут составлять разве что простейшие нормы, создать которые на предлагаемом «мета-языке (или гибридном прото-языке)» вполне реально. В этой связи правильно говорить о возможной степени обеспечения машиночитае­мости тех или иных текстов актов (норм). При этом при разработке технологий МЧТ / МИС следует ориентироваться на возможность обработки не только простейших, но и сложных норм.

⁹ При этом сам «мета(прото)-язык» должен обладать высокой степенью формализации, обеспечивающей возможности исчерпывающего описания объекта машинотчтения (правовой реальности). По своим свойствам он не только должен обладать богатством описательных средств, но и быть релевантным для перевода на естественный язык.

¹⁰ При этом отметим, что, например, С. Пинкер считал, идею Б. Уорфа «абсурдной», а некоторые из авторов справедливо отмечают, что «существует разрыв между мыслями и языком», а «мысли не идентичны языку» (У. Чейф), что, впрочем, не означает отсутствия между данными явлениями тесной связи.

¹¹ Вашкевич А.М. Автоматизация права: право как электричество. М., 2019. С. 34–36.

естественном (человекочитаемом) языке) как единый, машина должна играть в нем несколько ролей:

а) *быть «читателем»* — «реципиентом и интерпретатором смыслов», т.е. уметь *воспринимать* (обнаруживать, различать, идентифицировать, опознавать) текст, изложенный на естественном (человекочитаемом) языке;

б) *быть «переводчиком»* с естественного (человекочитаемого) языка на формальный (машиночитаемый);

в) *быть «писателем»* — излагать текст на формальном (машиночитаемом) языке;

г) *быть транслятором* переведенного текста, осуществляя возможную передачу текста акта иным машинам (информационным системам, IT-сервисам и иным продуктам IT) для целевого использования (в том числе с целью МИС).

Вполне очевидно, что МЧТ / МИС зависит от исходного материала, а значит, данные процессы напрямую связаны с вопросом качества, прежде всего законодательства.

Вряд ли можно говорить об эффективности технологий МЧТ / МИС права при существующем уровне качества законодательства.

Обратим внимание на один весьма важный и очевидный, в том числе для процесса МЧТ / МИС, момент: законодатель не просто декларативно, а *реально* должен учитывать особенности естественного языка, на котором закон изложен, и принимать в расчет порождаемую этим языком ментальность. Язык не только формирует мысль, но формирует ментальность его носителей, их способ мировидения.

Именно поэтому важен «фактор исходного материала» (предмета МЧТ) — текста на естественном языке, а именно — на *русском языке*, имеющем свои особенности (свои языковые кодировки смыслов, особенности их изложения и т.п.). Машина, являясь изначально читателем и переводчиком с естественного языка на формальный, должна действовать не просто в парадигме *некоего естественного языка*, а именно *конкретного языка*, на котором исполнен исходный текст. Если угодно, она должна «мыслить» в парадигме конкретного языка и «быть зараженной» порождаемой таким языком ментальностью. Подобно обычному переводчику машина должна обладать компетенциями восприятия и донесения до реципиента смыслов, заложенных в объекте перевода.

Впрочем, в данном случае речь идет о том самом универсальном искусственном интеллекте (AGI), способном решать фактически любые задачи, относящиеся к категории интеллектуальных.

Поскольку AGI — это лишь возможная перспектива, на данном этапе следует продолжать разрабатывать механизмы (автоматические, автоматизированные,

ручные), которые помогали бы машине реализовать процессы восприятия текста на естественном языке и его последующего перевода на формальный язык.

4. Следует отметить, что развитие технологий МЧТ / МИС являются, по нашему мнению, поводом и главное — причиной для того, чтобы пересмотреть подходы не только к совершенствованию законодательного (законодательного) процесса с точки зрения его формы (поднятие уровня законодательной техники, формирование гармонизированной терминосистемы законодательства и т.п.) и содержания, обеспечив тем реальную способность законодателя «слышать право» и адекватно его воплощать в законе, но поводом и причиной к пересмотру самой сущности законодательного процесса и пересмотру в контексте идущей цифровизации взглядов на саму национальную систему права.

Существует определенный парадокс: с одной стороны, стремление к выработке единого стиля изложения и унификации терминологии, выстраиванию формальных конструкций и т.п. — это все то, что служит оптимизации и упрощению процесса МЧТ; с другой — требуется учет ряда факторов.

Во-первых, построение законодательства (описание объектов МЧТ) в некоей логико-терминологической парадигме, со стремлением встроить в норму закона исчерпывающую для ее реализации информацию имеет предел возможностей.

Во-вторых, следует учитывать особенности конкретного языка. И речь идет не просто о «языке закона», как совокупности языковых средств (лексических, синтаксических, стилистических и проч.), посредством которых формируется текст нормативного правового акта, что тоже очень важно, — речь о том национальном языке, на котором эти *акты* излагаются.

Машиночитаемость и машиноисполняемость: языковой и ментальный аспект

1. Законотворческий (законодательный) процесс осуществляется в парадигме: «понятие-термин-определение». Склонность юристов оперировать понятиями известна. В этом проявляется ориентированность правовой научной и практической мысли на *ratio* (рацио-суждения), присущая западной культуре и мировидению, в отличие от славянской, русской — ориентированной на *логос* (λόγος)¹².

Более высокая формализация объекта машиночтения (структурирование, «категоризация» и т.п.)

¹² Ранее мы обращались к вопросу об отличиях ключевых ментальных установок, характерных для традиции русского обычного права в противопоставлении с подходами, присущими западной правовой традиции (см.: Гаврилов С.Н. Русская правовая ментальность: процессуальный закон vs народное правосудие обычного права // Lex russica. 2021. Т. 74. № 10. С. 100–112).

действительно упрощает МЧТ, повышая уровень его качества и, как следствие, уровень качества МИС. Казалось бы, именно по *этому* и только по этому пути и необходимо идти при реализации процессов МЧТ / МИС актов.

Однако следует помнить, что понятия являются весьма «недолговечным элементом смысла» (В.В. Колесов), они склонны к «изменению своих контуров» и постоянно требуют того, чтобы им давали определения; при этом они являются только лишь одним из элементов *концепта* как «основной единицы ментальности в языке»¹³. Вспомним: «жизнь усекается понятием» (П.А. Флоренский).

Полагаем, что следует реально учитывать особенности и возможности русского языка как «языка синтетического строя» и того, что сам этот язык «не может эффективно изучаться аналитически», равно как и то, что «с помощью такого языка опасно классифицировать «вещи» — всегда есть риск впасть в типичную ошибку «умножения объектов на пустом месте» (А.А. Потебня)¹⁴.

А ведь «строй языка» определяет строй мышления и саму ментальность.

2. Одним из необходимых свойств в восприятии объекта является целостность.

Ментальная парадигма носителя русского языка предопределена ключевой установкой: платоновским «схождением» («от идеи к вещи», «от рода к видам», что, в определении когнитологов, есть процесс «концептуализации») в противовес традиционному для западного типа рационально-логическому мышлению — аристотелевскому «восхождению» («от вещи к идее», «от видов к роду», — определяемому как процесс «категоризации»)¹⁵.

В.В. Колесов говорит о том, что есть два пути: логико-терминологический и образно-символический. «В первом случае — однозначность (поверхностное *знание*), во втором — многозначность несводимых к общему виду значений (глубинный *смысл*). В отличие от языков западных, русский

выбрал второй путь»¹⁶. Вслед за языком склонны идти по этому пути и его носители.

В русском сознании «познание всегда идет от целого к частям» (Л.П. Карсавин). Поход от части (т.е. момента целого), по мнению философа, влечет то, что мы «забываем о целом и низводим целое на степень внешней системы элементов»; во многих отношениях подобное рассмотрение удобно, но оно нарушает «логику живого» и искажает реальную картину¹⁷. «Забывши о жизни целого», анализ разъединяет (И.В. Киреевский), тогда как познание должно состоять «в совершенном внутреннем свободном соединении или синтезе» (В.С. Соловьев).

В этой связи нами делалось предположение о том, что на подсознательном уровне любой аналитический процесс изначально воспринимается носителем традиционной русской ментальности как «дробящий целое» (Событие Жизни) и «убивающий живое» (саму Жизнь)¹⁸.

Применительно к особенностям русского языка и порождаемой им ментальности, следует учесть то, например, что «конкретное и образное русский менталитет предпочитает умственному и рационалистическому»; категория «качество» является «основной категорией славянского менталитета», а имена прилагательные — специфическая особенность славянских языков, тогда как имена числительные как самостоятельная часть речи до XVIII в. фактически отсутствовали (существовали счетные имена), и при этом почти половина русских слов носит оценочный характер, а в любом другом языке эта сумма не превышает 10–15%¹⁹.

В качестве примера: «отрицательное качество кого-либо или чего-нибудь в русском языке выражается собирательными словами *недостаток, изъян, порок, недочет, пробел, дефект*, теперь еще и (разговорное) *минус*», тогда как для многих современных западноевропейских языков понятие о недочетах и недостатках совпадает в одном общем слове: *недостатки и недочеты* — в англ. *defect*, фр. *defaut*, ит. *difetto*, исп. *defecto*, нем. *Mangel* или *Fehler*²⁰.

Там, где носитель западноевропейского языка получает сконцентрированную в одном слове информацию о недостатке, носитель русского имеет

¹³ Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб., 2014. Т. 2 (П–Я). С. 535. Русист и историк русского языка В.В. Колесов определяет ментальность как «национальный способ выражения и восприятия мира, общества и человека в формах и категориях родного языка, способность истолковать явления как их сущности и соответственно этому действовать в определенной обстановке» (см.: Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006. С. 13).

¹⁴ Цит. по: Колесов В.В. Указ. соч. С. 393.

¹⁵ См.: Колесов В.В. Основы концептологии. СПб., 2019. С. 620–623. В.В. Колесов замечает, что «схождение» с уровня рода (идеи, идеала, понятия и т.п.) к видам знаменует собой психологическую операцию действия метафоры с происхождением «образов», тогда как «восхождение» символизирует логическую операцию действия синекдохи с порождением понятий» (см.: там же. С. 621).

¹⁶ Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. С. 413.

¹⁷ См.: Карсавин Л.П. О личности. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=176812&r=40> (дата обращения: 28.12.2022).

¹⁸ См.: Гаврилов С.Н. Указ. соч. С. 108.

¹⁹ См.: Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999. С. 124, 125; *Его же*. Русская ментальность в языке и тексте. С. 284, 398.

²⁰ См.: Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». С. 191, 192.

выбор — остановиться на каком-то из наиболее адекватных для соответствующего контекста слове.

В этом, в частности, проявляются признаки различия и даже некая противоположность двух типов культур, ориентированных на *ratio*-суждения (западная) и на *логос* (λόγος) (славянская, русская). Эти различия отражаются на мировосприятии носителей русского языка и, соответственно, восприятию правовой реальности.

3. Тема богатства синонимических рядов русского языка для специалистов в области юридической терминологии если и не «сущий ад», то воспринимается часто, как нечто, вызывающее лишь проблемы.

В то же время, как говорит В.В. Колесов, применительно к процессу усвоения русского языка иностранцами «мы должны быть заинтересованы в передаче синонимических оттенков»²¹. Но эти же слова возможно обратить и к законодателю. Потери «синонимических оттенков», которые возможно расценивать как излишнее и даже недопустимое для юридического языка «украшательство», могут вести к утратам смыслов в описании объекта МЧТ.

Юридический язык с его стремлением отразить в термине максимум «характеристик объекта» ведет к своего рода упрощению языка. А с упрощением языка, например, «за счет замены видовых определений родовыми», подчеркивает В.В. Колесов, с «укрупнением масштаба семантической сетки русского языка» происходит «утрата речевых деталей» и «уничтожение характерных для русского языка подробностей речевого мышления», происходит «стилистическое усреднение и функциональное ослабление собственно русских слов в современном общении»²².

Впрочем, проблематика предъявляемых требований к термину для терминоведения не нова. В литературе отмечается, что современные исследования демонстрируют «не только невыполнимость ряда требований (т.н. *эталонных* требований к терминам²³. — С.Г.), но и несостоятельность и противоречивость некоторых из них», в связи с чем «на большинство из требований к термину можно ориентироваться, как на своего рода эталон, достижение которого проблематично, но стремиться к которому

следует»²⁴. В результате предлагается включить ряд требований в число «обязательных» или «нормативных» (например — однозначность, системность, краткость, соответствие нормам и правилам языка) и «варьирующихся» (например — экспрессивная нейтральность, отсутствие синонимов, независимость от контекста)²⁵.

Вопрос заключается в том, как найти баланс между «однозначностью», «лаконизмом нормы» и т.п. и возможностью обеспечить охват ею нужных смыслов. Термин не всегда способен являться стимулом к формированию в сознании у реципиента адекватной картины реальности. Тем более следует учесть разные контексты, в которых «живет» объект МЧТ.

Вопрос — в способности термина позволить описать картину конкретного фрагмента реальности с учетом этих — *различных* — контекстов и учетом иных факторов. Ю.М. Лотман отмечал: «Тот факт, что участники коммуникации пользуются одним и тем же естественным языком, еще не обеспечивает тождественности кода, так как для этого требуются еще и единство языкового опыта, и тождественность объема памяти адресанта и адресата»²⁶.

Создавая терминологическую систему, пригодную для обеспечения МЧТ, возможно «приучить» реципиента к определенному слову (термину). Это так.

Но, во-первых, в данном случае не исчезает тот же риск смысловых потерь (обеднения) в описании объекта реальности, ведь не случайно язык дает синонимический выбор, и, во-вторых, необходимо избрать тот самый наиболее адекватный термин, а для этого нужен соответствующий инструментарий, учитывающий как многосложность объектов описания (объектов машиночтения), так и их нестатичность (способность к изменению, развитию и т.п.). Соответственно, языковые единицы следует рассматривать не как статические, а с точки зрения обусловленности характером дискурса, в котором они используются²⁷.

²⁴ Таранова Е.Н. Проблематика современного теоретического терминоведения, достижения и недостатки терминологических исследований // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. № 24 (119). Вып. 12. С. 148. Следовательно, и законодательный и формальный (МЧТ) язык должен максимально вбирать потенциал естественного (русского) языка, в том числе обладать свойством «синонимического богатства», присущим естественному (русскому) языку.

²⁵ См.: там же.

²⁶ Лотман Ю.М. Три функции текста // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 11–22.

²⁷ См.: Голованова Е.И. Когнитивное терминоведение: проблематика, инструментарий, направления и перспективы развития // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 24 (315). Философия. Искусствоведение. Вып. 82. С. 14.

²¹ Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». С. 193.

²² Там же. Полагаем, что в равной степени это касается не только литературного языка, но и языка законодательства.

²³ «Эталонные требования к терминам» сформулированы основателем российской терминологической школы Д.С. Лотте и встречаются в работах других авторов (И.Н. Волков, А.В. Крыжановская, Л.А. Симоненко и др.): однозначность, точность, системность, краткость, эмоционально-экспрессивная нейтральность, отсутствие модальной и стилистической функции, безразличие к контексту и ряд других.

Склонность носителей русского языка к образному, «цельно-живому» восприятию объекта, отторгающему или по меньшей мере не приветствующему возможность «расчленения» образа такого объекта «аналитическим ножом», влечет ожидание (во всяком случае в первичном восприятии объекта) возможности увидеть его (образ) в некоей изначальной целостности. *Логико-терминологический способ описания объектов* (т.е. описание посредством *понятия*, обозначающего *термином* в *определении*, раскрывающем содержание *понятия*) такой — *изначальной* — целостности не дает. Он имеет, как было отмечено ранее, ограниченные возможности. Используемые в определении *термины* могут обладать и, как правило, обладают неоднозначностью (многозначностью) и, как следствие, «рисуют» для реципиента, являющегося носителем своего индивидуального когнитивного пространства, различные по смысловому наполнению картины смыслов²⁸. То есть изложенная в понятии и описанная в норме права сущность не может быть изначальной, а возможно, и вообще не может быть адекватно (корректно) описана и передана.

Но важна не только способность термина быть стимулом, вызывающим корректное описание содержания фрагмента правовой реальности, обеспечивать инвариантность восприятия такой картины, но и способность реципиента адекватно такую картину воспринимать.

Все это требует нахождения некоего верного подхода к описанию объекта МЧТ и его репрезентации.

Вопрос возможно поставить таким образом: идти ли на этой развилке технологического прорыва (в частности, МЧТ / МИС права) исключительно по уже торимому в юриспруденции пути «концентрации смыслов» в терминах, отвечающих неким эталонным требованиям и построению на их основе норм, или использовать «богатство русского языка», в его не комплиментарном, а прагматическом смысле, не отвергая при этом более широкого арсенала средств²⁹ для описания объекта МЧТ?

Первый путь, ориентированный «логико-терминологическим» подходом и привычный, направляется сам собой; второй — более проблемный в реализации, но дающий преимущества наиболее

полного раскрытия сущностных смыслов явлений правовой реальности.

Полагаем, что в условиях актуализации темы МЧТ / МИС права необходимо осознавать, что в глобальном смысле продолжение движения по «пути термина», «высушенного» эталонными требованиями, о чем говорилось выше, чревато рисками потерь тех возможностей, которые может дать русский язык не только для процессов МЧТ / МИС права, но для национального права и закона как таковых.

В сугубо прагматическом контексте (для процессов МЧТ / МИС) следует понимать, что такого рода общие потери возможностей (потенциала) русского языка как изначального средства описания правовых объектов, явлений и процессов повлекут утрату и / или искажение смыслов или части таковых, что в результате скажется на результате перевода на формальный язык и, соответственно, приведет к утрате и / или искажению *данных* о таких объектах (явлениях, процессах), а в конечном счете это скажется на качестве процессов МЧТ / МИС.

В глобальном культурном контексте дальнейшее движение исключительно по «логико-терминологическому пути» («пути термина») повлечет продолжение перестройки ментальных установок носителей русского языка и дальнейшее подпадание таковых под шаблон «менталитета западной культуры», что, впрочем, фактически уже происходит.

4. В числе стадий процесса МЧТ / МИС, в качестве *первой стадии* возможно назвать «подготовку исходного для МЧТ / МИС материала как описание объекта МЧТ на естественном языке посредством формирования акта, содержащего характеристику объекта МЧТ».

Одним из предлагаемых нами средств, обеспечивающих надлежащее описание объекта МЧТ на естественном языке, могут являться прецедентные феномены³⁰, адаптированные для практического применения к задачам МЧТ. Прецедентные феномены, как содержащие в себе совокупность смыслов, описывающих фрагмент правовой реальности, смогут дополнять («сопровождать») термин описанием смыслов такого фрагмента.

Это будет уже не движение от избранного законодателем определенного слова (понятия-термина-определения), а затем разъяснение его реципиенту (машине) для последующего перевода и закрепления данной единицы языка в терминосистеме формального языка. Предполагается «обратный»

²⁸ Снижать риски «разновосприятия» может ситуация, при которой индивидуальное когнитивное пространство субъекта, например, принадлежащего к определенному сообществу (корпорации), в должной степени совпадает с когнитивной базой данного сообщества, по крайней мере совпадает в определенной предметной области.

²⁹ Имеются в виду, например, *продукты юридического дизайна, визуализация норм (правовая символика, правовая инфографика)*, другие неязыковые формы выражения норм и др.

³⁰ В данном случае речь идет о прецедентном подходе не в конкретно-юридическом, а в более широком контексте — о прецедентных феноменах (в частности, прецедентная ситуация, прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентное высказывание).

процесс: выбор с помощью прецедентных средств и посредством естественного отбора «единственно возможного слова для данного содержания» (Л.Н. Толстой) или как минимум выбор наиболее подходящего (адекватного смыслу) из числа синонимического множества некоего «слова-сигнификата» (лат. *significatum* — значимое) и его последующее закрепление в терминотерминологической системе формального языка. Впрочем, вопросы использования прецедентных феноменов в процессах МЧТ / МИС требуют отдельного рассмотрения.

5. Позволим себе сформулировать вывод.

Разработку и реализацию процессов МЧТ / МИС права следует осуществлять в контексте семиотической парадигмы, с учетом ментальных и языковых факторов, активно используя потенциал естественного (человекочитаемого) — русского — языка, не ограничиваясь при этом ставшим для отечественной юриспруденции традиционным «логико-терминологическим» подходом, а используя в том числе подход «образно-символический», позволяющий фиксировать не только «поверхностное знание», но глубинный *смысл*, вбирающий в себя «многозначность несводимых к общему виду значений».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вашкевич А.М.* Автоматизация права: право как электричество. М., 2019. С. 34–36.
2. *Гаврилов С.Н.* Русская правовая ментальность: процессуальный закон vs народное правосудие обычного права // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 10. С. 100–112.
3. *Голованова Е.И.* Когнитивное терминоведение: проблематика, инструментарий, направления и перспективы развития // *Вестник Челябинского гос. ун-та*. 2013. № 24 (315). Философия. Искусствоведение. Вып. 82. С. 14.
4. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Об интегративном правовопонимании в контексте комплексной теории права // *Юридическая наука: история и современность*. 2017. № 2. С. 42.
5. *Карсавин Л.П.* О личности. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=176812&p=40> (дата обращения: 28.12.2022).
6. *Колесов В.В.* «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999. С. 124, 125, 191–193.
7. *Колесов В.В.* Основы концептологии. СПб., 2019. С. 620–623.
8. *Колесов В.В.* Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006. С. 13, 284, 393, 398, 413.
9. *Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А.* Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб., 2014. Т. 2 (П–Я). С. 535.
10. *Лазарев В.В.* Интегративное восприятие права // *Лазарев В.В. Избранное последнего десятилетия*. М., 2020. С. 96.

11. *Лотман Ю.М.* Три функции текста // *Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров*. М., 1996. С. 11–22.
12. *Понкин И.В.* Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в PerТехе, содержание, онтология и перспективы // *International journal of open information technologies*. 2020. Т. 8. № 10. С. 65.
13. *Таранова Е.Н.* Проблематика современного теоретического терминоведения, достижения и недостатки терминологических исследований // *Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки*. 2011. № 24 (119). Вып. 12. С. 148.

REFERENCES

1. *Vashkevich A. M.* Automation of law: law as electricity. M., 2019. P. 34–36 (in Russ.).
2. *Gavrilov S. N.* Russian legal mentality: procedural law vs people's justice of customary law // *Lex russica*. 2021. Vol. 74. No. 10. P. 100–112 (in Russ.).
3. *Golovanova E. I.* Cognitive terminology: problems, tools, directions and prospects of development // *Herald of the Chelyabinsk State University*. 2013. No. 24 (315). Philosophy. Art history. Issue 82. P. 14 (in Russ.).
4. *Zakharcev S. I., Salnikov V. P.* On integrative legal understanding in the context of a comprehensive theory of law // *Legal science: history and modernity*. 2017. No. 2. P. 42 (in Russ.).
5. *Karsavin L. P.* About personality. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=176812&p=40> (accessed: 28.12.2022) (in Russ.).
6. *Kolesov V. V.* "Life comes from the word...". SPb., 1999. P. 124, 125, 191–193 (in Russ.).
7. *Kolesov V. V.* Fundamentals of conceptology. SPb., 2019. P. 620–623 (in Russ.).
8. *Kolesov V. V.* Russian mentality in language and text. SPb., 2006. P. 13, 284, 393, 398, 413 (in Russ.).
9. *Kolesov V. V., Kolesova D. V., Kharitonov A. A.* Dictionary of Russian mentality: in 2 vols. SPb., 2014. Vol. 2 (P–Ya). P. 535 (in Russ.).
10. *Lazarev V. V.* Integrative perception of law // *Lazarev V. V. Favorites of the last decade*. M., 2020. P. 96 (in Russ.).
11. *Lotman Yu. M.* Three functions of the text // *Lotman Yu. M. Inside thinking worlds*. M., 1996. P. 11–22 (in Russ.).
12. *Ponkin I. V.* The concept of machine-readable and machine-executable law: relevance, purpose, place in PerText, content, ontology and prospects // *International journal of open information technologies*. 2020. Vol. 8. No. 10. P. 65 (in Russ.).
13. *Taranova E. N.* Problematics of modern theoretical terminology, achievements and shortcomings of terminological research // *Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Ser.: Humanities*. 2011. No. 24 (119). Issue. 12. P. 148 (in Russ.).

Сведения об авторе

ГАВРИЛОВ Сергей Николаевич —
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук, доцент,
руководитель Центра внедрения и эксплуатации
Комплексной информационной системы
адвокатуры России
Федеральной палаты адвокатов;
119002 г. Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 43

Authors' information

GAVRILOV Sergey N. —
PhD in Law, Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Center for the Implementation
and Operation of the Integrated Information System
of the Russian Bar
of the Federal Chamber of Lawyers;
43 Sivtsev Vrazhek Lane, 119002 Moscow, Russia